АННА АХМАТОВА

ВЕЧЕРЪ

СТИХИ

ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ

ВЕЧЕРЪ

АННА АХМАТОВА.

ВЕЧЕРЪ.

СТИХИ.

ЦЕХЪ
ПОЭТОВЪ.

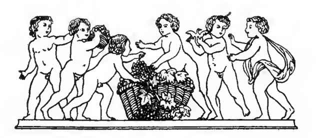
СПБ.
912.

"КНИЖНЫЕ РЕДКОСТИ"
Библиотека репринтных изданий

Издательство "Книга"
Москва 1988

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Александріи существовало общество, члены котораго для болѣе остраго и интенсивнаго наслажденія жизнью считали себя обреченными на смерть. Каждый день ихъ, каждый часъ былъ предсмертнымъ. Хотя предсмертное времяпрепровожденіе въ данномъ обществѣ сводилось къ сплошнымъ оргіямъ, намъ кажется, что сама мысль о предсмертномъ обостреніи воспріимчивости и чувствительности эпидермы и чувства болѣе чѣмъ справедлива. Поэты же особенно должны имѣть острую память любви и широко открытые глаза на весь милый, радостный и горестный міръ, чтобъ насмотрѣться на него и пить его каждую минуту послѣдній разъ. Вы сами знаете, что въ минуты крайнихъ опасностей, когда смерть близка, въ одну короткую секунду мы вспоминаемъ столько, сколько не представится нашей памяти и въ долгій часъ, когда мы находимся въ обычномъ состояніи духа.

И воспоминанія эти идутъ не послѣдовательно и не цѣлостно, а набѣгаютъ другъ на друга острой и жгучей волной, изъ которой сверкнетъ: то давно забытые глаза, то облако на весеннемъ небѣ, то чье-то голубое платье, то голосъ чужого вамъ прохожаго. Эти мелочи, эти конкретные осколки нашей жизни мучатъ и волнуютъ насъ больше, чѣмъ мы этого ожи-

дали и, будто ие относясь къ дѣлу, точно и вѣрно ведутъ насъ къ тѣмъ минутамъ, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы любили, плакали смѣялись и страдали — гдѣ мы жили.

Можно любнть вещи, какъ любятъ нхъ коллекціонеры, или привязчивые чувственной привязанностью люди, или въ качествѣ сентиментальныхъ сувенировъ, но это совсѣмъ не то чувство связи, непонятной и неизбѣжной, открывающейся иамъ то въ горестномъ, то въ ликующемъ восторгѣ, на которое мы указывали выше. Намъ кажется, что, въ отличіе отъ другихъ вещелюбовъ, Аниа Ахматова обладаетъ способностью понимать и любнть вещи именно въ ихъ непонятной связи съ переживаемыми минутами. Часто она точно и опредѣленио упоминаетъ какой-инбудь предметъ (перчатку на столѣ, облако, какъ бѣлнчья шкурка, въ небѣ, желтый свѣтъ свѣчей въ спальнѣ, треуголку въ Царскосельскомъ паркѣ) казалось бы иеимѣющій отиошеиія ко всему стихотворенію, брошеиный и забытый, но имеино отъ этого упоминаиія болѣе ощутнмый уколъ, болѣе сладостный ядъ мы чувствуемъ. Не будь этой бѣличьей шкурки и все стихотвореніе, можетъ быть, не имѣло бы той хрупкой пронзительности, которую оно имѣетъ. Мы не хотимъ сказать, что всегда у автора вещи имѣютъ такое особенное значеніе; часто онѣ ие болѣе, какъ сеитиментальные сувеннры, или перенесеніе чувства съ человѣка и на вещи, ему при-

надлежащія. Мы говоримъ это не въ упрекъ молодому поэту, потому что это уже не мало—заставлять читателя и помечтать и поплакать и посердиться съ собою вмѣстѣ, хотя бы посредствомъ чувствительной эмоціональности,—но особенно цѣнимъ то первое пониманье остраго и непонятнаго значенія вещей, которое встрѣчается не такъ часто. И намъ кажется, что Анна Ахматова имѣетъ ту повышенную чувствительность, къ которой стремились члены общества обреченныхъ на смерть.

Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы мысли и настроенія ея всегда обращались къ смерти, но интенсивность и острота ихъ такова. Положимъ, она не принадлежитъ къ поэтамъ особенно веселымъ, но всегда жалящимъ.

Намъ кажется, что она чужда манерности, которая, если у нея и есть, однородна нѣсколько съ манерностью Лафорга, т. е. капризнаго ребенка, привыкшаго, чтобъ его слушали и имъ восхищались. Среди совсѣмъ молодыхъ поэтовъ, разумѣется, есть и другіе, стремящіеся къ тонкой и, мы сказали бы, хрупкой поэзіи, но, въ то время, какъ одни ищутъ ее въ описаніи предметовъ, которые принято считать тонкими: севрскихъ чашекъ, гобеленовъ, каминовъ, арлекиновъ, рыцарей и мадоннъ (Эренбургъ), другіе въ необыкновенно изощренномъ анализѣ нарочито-причудливыхъ переживаній (Мандельштамъ), третьи въ иронизирую-

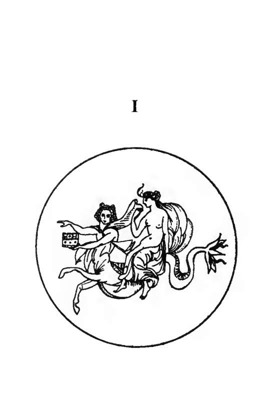
щемъ описаніи интимной, нѣсколько демонстративно-обыденной жизни (Марина Цвѣтаева),—намъ кажется, что поэзія Анны Ахматовой производитъ впечатлѣніе острой и хрупкой потому, что сами ея воспріятія таковы, отъ себя же поэтъ прибавляетъ развѣ только Лафорговскую, на нашъ вкусъ пріятную, манерность.

Вячеславъ Ивановъ однажды высказалъ мысль, что у оригинальныхъ поэтовъ прежде всего появляется своя манера, отъ которой впослѣдствіи они отказываются для своего «лица», въ свою очередь приносимаго въ жертву своему стилю. Изъ того, что въ данномъ случаѣ у поэта манера уже существуетъ, легко можно заключить, что этотъ поэтъ оригинальный и что новый женскій голосъ, отличный отъ другихъ и слышимый несмотря на очевидную, какъ бы желаемую обладателемъ его, слабость тона, присоединился къ общему хору русскихъ поэтовъ.

Мы пишемъ не критику, и наша роль сводится къ очень скромной: только назвать имя и какъ бы представить вновь прибывшую. Мы можемъ намекнуть слегка о ея происхожденіи, указать кой-какія примѣты и высказать свои догадки,—что мы и дѣлаемъ. Итакъ, сударыни и судари, къ намъ идетъ новый, молодой, но имѣющій всѣ данныя стать настоящимъ поэтъ. А зовутъ его—Анна Ахматова.

М. Кузминъ.

I

ЛЮБОВЬ.

То змѣйкой свернувшись клубкомъ
У самаго сердца колдуетъ,
То цѣлые дни голубкомъ
На бѣломъ окошкѣ воркуетъ,

То въ инеѣ яркомъ блеснетъ,
Почудится въ дремѣ левкоя...
Но вѣрно и тайно ведетъ
Отъ радости, и отъ покоя.

Умѣетъ такъ сладко рыдать
Въ молитвѣ тоскующей скрипки,
И страшно ея угадать
Въ еще незнакомой улыбкѣ.

ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

I.

По аллеѣ проводятъ лошадокъ,
Длинны волны расчесанныхъ гривъ.
О плѣнительный городъ загадокъ,
Я печальна, тебя полюбивъ.

Странно вспомнить! Душа тосковала,
Задыхалась въ предсмертномъ бреду,
А теперь я игрушечной стала,
Какъ мой розовый другъ какаду.

Грудь предчувствіемъ боли не сжата,
Если хочешь — въ глаза погляди,
Не люблю только часъ предъ закатомъ,
Вѣтеръ съ моря и слово «уйди».

II.

...А тамъ мой мраморный двойникъ,
Поверженный подъ старымъ кленомъ,
Озернымъ водамъ отдалъ ликъ,
Внимаетъ шорохамъ зеленымъ.

И моютъ свѣтлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, бѣлый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

III.

Смуглый отрокъ бродилъ по аллеямъ
У озерныхъ глухихъ береговъ.
И столѣтіе мы лелѣемъ
Еле слышный шелестъ шаговъ.

Иглы елей густо и колко
Устилаютъ низкіе пни...
Здѣсь лежала его треуголка
И разорванный томъ Парни.

И МАЛЬЧИКЪ...

И мальчикъ, что играетъ на волынкѣ,
И дѣвочка, что свой плететъ вѣнокъ,
И двѣ въ лѣсу скрестившихся тропинки,
И въ дальнемъ полѣ дальній огонекъ,—

Я вижу все. Я все запоминаю,
Любовно-кротко въ сердцѣ берегу,
Лишь одного я никогда не знаю,
И даже вспомнить больше не могу.

Я не прошу ни мудрости, ни силы,
О только дайте грѣться у огня.
Мнѣ холодно! Крылатый иль безкрылый,
Веселый богъ не посѣтитъ меня.

ЛЮБОВЬ ПОКОРЯЕТЪ...

Любовь покоряетъ обманно
Напѣвомъ простымъ неискуснымъ.
Еще такъ недавно-странно
Ты не былъ сѣдымъ и грустнымъ.

И когда она улыбалась
Въ садахъ твоихъ, въ домѣ, въ полѣ,
Повсюду тебѣ казалось,
Что вольный ты и на волѣ.

Былъ свѣтелъ ты, взятый его,
И пившій ея отравы.
Вѣдь звѣзды были крупнѣе,
Вѣдь пахли иначе травы.
Осеннія травы.

СЖАЛА РУКИ...

Сжала руки подъ темной вуалью...
«Отчего ты сегодня блѣдна?»...
—Оттого что я терпкой печалью
Напоила его до пьяна.

Какъ забуду? Онъ вышелъ, шатаясь,
Искривился мучительно ротъ,
Я сбѣжала, перилъ не касаясь,
Я бѣжала за нимъ до воротъ.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказалъ мнѣ: «Не стой на вѣтру».

ПАМЯТЬ О СОЛНЦѢ...

Память о солнцѣ въ сердцѣ слабѣетъ,
Желтѣй трава,
Вѣтеръ снѣжинками ранними вѣетъ
Едва, едва.

Ива на небѣ пустомъ распластала
Вѣеръ сквозной.
Можетъ-быть лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнцѣ въ сердцѣ слабѣетъ,
Что это?—тьма?
Можетъ-быть! За ночь придти успѣетъ
Зима.

ВЫСОКО ВЪ НЕБѢ...

Высоко въ небѣ облачко сѣрѣло,
Какъ бѣличья, разстеленная шкурка.
Онъ мнѣ сказалъ: не жаль, что ваше тѣло
Растаетъ въ мартѣ, хрупкая Снѣгурка!

Въ пушистой муфтѣ руки холодѣли,
Мнѣ стало страшно, стало какъ то смутно,
О какъ вернуть васъ, быстрыя недѣли
Его любви воздушной и минутной!

Я не хочу ни горечи, ни мщенья,
Пускай умру съ послѣдней бѣлой вьюгой,
О немъ гадала я въ канунъ Крещенья,
Я въ январѣ была его подругой.

ДВЕРЬ ПОЛУОТКРЫТА...

Дверь полуоткрыта,
Вѣютъ липы сладко...
На столѣ забыты
Хлыстикъ и перчатка.

Кругъ отъ лампы желтый...
Шорохомъ внимаю,
Отъ чего ушелъ ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будетъ утро,
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсѣмъ устало,
Бьешься тише, глуше,
Знаешь, я читала,
Что безсмертны души.

ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ...

... Хочешь знать, какъ все это было?—
Три въ столовой пробило,
И прощаясь, держась за перила,
Она словно съ трудомъ говорила:
«Это все, ахъ нѣтъ, я забыла,
Я люблю Васъ, я Васъ любила
Еще тогда!»
«Да»?!..

ПѢСНЯ ПОСЛѢДНЕЙ ВСТРѢЧИ.

Такъ безпомощно грудь холодѣла,
Но шаги мои были легки,
Я на правую руку надѣла
Перчатку съ лѣвой руки.

Показалось, что много ступеней,
А я знала, ихъ только три!
Между кленовъ шопотъ осеннiй
Попросилъ: «со мною умри!

Я обманутъ, слышишь, унылый,
Перемѣнчивой злой судьбой».
Я отвѣтила: «милый, милый!
И я тоже. — Умру съ тобой.»...

Это пѣсня послѣдней встрѣчи,
Я взглянула на темный домъ,
Только въ спальнѣ горѣли свѣчи
Равнодушно-желтымъ огнемъ.

КАКЪ СОЛОМИНКОЙ...

Какъ соломинкой, пьешь мою душу.
Знаю, вкусъ ея горекъ и хмѣленъ,
Но я пытку мольбой не нарушу,
О, покой мой многонедѣленъ.

Когда кончишь, скажи: не печально,
Что души моей нѣтъ на свѣтѣ,
Я пойду дорогой недальней
Посмотрѣть, какъ играютъ дѣти.

На кустахъ зацвѣтаетъ крыжовникъ
И везутъ кирпичи за оградой,
Кто онъ! — Братъ мой или любовникъ,
Я не помню и помнить не надо.

Какъ свѣтло здѣсь и какъ безпріютно,
Отдыхаетъ усталое тѣло...
А прохожіе думаютъ смутно:
Вѣрно только вчера овдовѣла.

Я СОШЛА СЪ УМА...

Я сошла съ ума, о мальчикъ странный,
Въ среду, въ три часа!
Уколола палецъ безымянный
Мнѣ звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И казалось, умерла она,
Но конецъ отравленнаго жала
Былъ острѣй веретена.

О тебѣ ли я заплачу странномъ,
Улыбнется-ль мнѣ твое лицо?
Посмотри! На пальцѣ безымянномъ
Такъ красиво гладкое кольцо.

МНѢ БОЛЬШЕ НОГЪ МОИХЪ НЕ НАДО...

Мнѣ больше ногъ моихъ не надо,
Пусть превратятся въ рыбій хвостъ!
Плыву, и радостна прохлада,
Бѣлѣетъ тускло дальній мостъ.

Не надо мнѣ души покорной,
Пусть станетъ дымомъ, легокъ дымъ,
Взлетѣвъ надъ набережной черной,
Онъ будетъ нѣжно-голубымъ.

Смотри, какъ глубоко ныряю,
Держусь за водоросль рукой,
Ничьихъ я словъ не повторяю
И не плѣнюсь ничьей тоской...

А ты, мой дальній, неужели
Сталъ блѣденъ и печально-нѣмъ?
Что слышу? Цѣлыхъ три недѣли
Все шепчешь: «бѣдная, зачѣмъ»?!

II.

О Б М А Н Ъ.

М. А. Змунчилла.

I.

Весениимъ солнцемъ это утро пьяно
И иа террасѣ запахъ розъ слышнѣй,
А иебо ярче синяго фаянса.
Тетрадь въ обложкѣ мягкаго сафьяна,
Читаю въ ией элегіи и стаисы,
Написаииыя бабушкѣ моей.

Дорогу вижу до воротъ, и тумбы
Бѣлѣютъ четко въ изумрудиомъ дериѣ,
О сердце любитъ сладостно и слѣпо!
И радуютъ изысканиыя клумбы
И рѣзкій крикъ вороны въ небѣ черной,
И въ глубииѣ аллеи арка склепа.

II.

Жарко вѣетъ вѣтеръ душный,
Солнце руки обожгло,
Надо мною сводъ воздушный,
Словно синее стекло.

Сухо пахнутъ иммортели
Въ разметавшейся косѣ,
На стволѣ корявой ели
Муравьиное шоссе.

Прудъ лѣниво серебрится,
Жизнь по новому легка,
Кто сегодня мнѣ приснится
Въ легкой сѣткѣ гамака?

III.

Синій вечеръ. Вѣтры кротко стихли,
Яркій свѣтъ зоветъ меня домой.
Я гадаю. Кто тамъ?—не женихъ ли,
Не женихъ ли это мой?..

На террасѣ силуэтъ знакомый,
Еле слышенъ тихій разговоръ.
О, такой плѣнительной истомы
Я не знала до сихъ поръ.

Тополя тревожно прошуршали,
Нѣжные ихъ посѣтили сны,
Небо цвѣта вороненой стали,
Звѣзды матово-блѣдны.

Я несу букетъ левкоевъ бѣлыхъ,
Для того въ нихъ тайный скрытъ огонь,
Кто, беря цвѣты изъ рукъ несмѣлыхъ,
Тронетъ теплую ладонь.

IV.

Я написала слова,
Что долго сказать не смѣла.
Тупо болитъ голова,
Странно нѣмѣетъ тѣло.

Смолкъ отдаленный рожокъ,
Въ сердцѣ все тѣ-же загадки,
Легкій осенній снѣжокъ
Легъ на крокетной площадкѣ.

Листьямъ послѣднимъ шуршать!
Мыслямъ послѣднимъ томиться!
Я не хотѣла мѣшать
Тѣмъ, что должны веселиться.

Краснымъ простила губамъ
Я ихъ жестокую шутку...
О Вы прiѣдете къ намъ
Завтра по первопутку.

Свѣчи въ гостинной зажгутъ,
Днемъ ихъ мерцанье нѣжнѣе,
Цѣлый букетъ принесутъ
Розъ изъ оранжереи.

МНѢ СЪ ТОБОЮ ПЬЯНЫМЪ...

Мнѣ съ тобою пьянымъ весело,
Смысла нѣтъ въ твоихъ разсказахъ;
Осень ранняя развѣсила
Флаги желтые на вязахъ.

Оба мы въ страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачѣмъ улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотѣли муки жалящей
Вмѣсто счастья безмятежнаго...
Не покину я товарища,
И безпутнаго и нѣжнаго.

МУЖЪ ХЛЕСТАЛЪ МЕНЯ..

Мужъ хлесталъ меня узорчатымъ,
Вдвое сложеннымъ ремнемъ.
Для тебя въ окошкѣ створчатомъ
Я всю ночь сижу съ огнемъ.

Разсвѣтаетъ. И надъ кузницей
Подымается дымокъ.
Ахъ со мной, печальной узницей,
Ты опять побыть не смогъ.

Для тебя я долю хмурую,
Долю-муку приняла,
Или любишь бѣлоокую,
Или рыжая мила?

Какъ мнѣ скрыть васъ, стоны звонкіе!
Въ сердцѣ темный душный хмѣль;
А лучи ложатся тонкіе
На несмятую постель.

СЕРДЦЕ КЪ СЕРДЦУ...

Сердце къ сердцу не приковано,
Если хочешь — уходи.
Много счастья уготовано
Тѣмъ, кто воленъ на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мнѣ счастливой не бывать!
Не цѣлуй меня, усталую,
Смерть придетъ поцѣловать.

Дни томленій острыхъ прожиты
Вмѣстѣ съ бѣлою зимой...
Отчего, отчего же ты
Лучше, чѣмъ избранникъ мой.

ПѢСЕНКА.

Я на солнечномъ восходѣ
Про любовь пою,
На колѣняхъ въ огородѣ
Лебеду полю.

Вырываю и бросаю
(Пусть проститъ меня),
Вижу, дѣвочка босая
Плачетъ у плетня.

Страшно мнѣ отъ звонкихъ воплей
Голоса бѣды,
Все сильнѣе запахъ теплый
Мертвой лебеды.

Я на солнечномъ восходѣ
Про любовь пою,
На колѣняхъ въ огородѣ
Лебеду полю.

Я ПРИШЛА СЮДА..

Я пришла сюда, бездѣльница,
Все равно мнѣ гдѣ скучать!
На пригоркѣ дремлетъ мельница,
Годы можно здѣсь молчать.

Надъ засохшей павиликою
Мягко плаваетъ пчела,
У пруда русалку кликаю,
А русалка умерла.

Затянулся ржавой тиною
Прудъ широкій, обмелѣлъ.
Надъ трепещущей осиною
Легкій мѣсяцъ заблистѣлъ.

Замѣчаю все какъ новое,
Влажно пахнутъ тополя.
Я молчу. Молчу, готовая
Снова стать тобой, — земля.

БѢЛОЙ НОЧЬЮ.

Ахъ, дверь не запирала я,
Не зажигала свѣчъ,
Не знаешь, какъ усталая,
Я не рѣшалась лечь.

Смотрѣть, какъ гаснутъ полосы
Въ закатномъ мракѣ хвой,
Пьянѣя звукомъ голоса
Похожаго на твой.

И знать, что все потеряно,
Что жизнь—проклятый адъ!
О я была увѣрена,
Что ты придешь назадъ.

ПОДЪ НАВѢСОМЪ...

Подъ навѣсомъ темной риги жарко,
Я смѣюсь, а въ сердцѣ злобно плачу,
Старый другъ бормочетъ мнѣ: «не каркай!
Мы ль не встрѣтимъ на пути удачу!»

Но я другу старому не вѣрю,
Онъ смѣшной, незрячій и убогій,
Онъ всю жизнь свою шагами мѣрилъ
Длинныя и скучныя дороги.

И звенитъ, звенитъ мой голосъ ломкій,
Звонкій голосъ не узнавшихъ счастья:
«Ахъ пусты дорожныя котомки,
А на завтра голодъ и ненастье»!»

ХОРОНИ МЕНЯ ВѢТЕРЪ...

Хорони, хорони меня, вѣтеръ!
Родные мои не пришли,
Надо мною блуждающій вечеръ
И дыханье тихой земли.

Я была, какъ и ты, свободной,
Но я слишкомъ хотѣла жить:
Видишь, вѣтеръ, мой трупъ холодный,
И некому руки сложить.

Закрой эту черную рану
Покровомъ вечерней тьмы
И вели голубому туману
Надо мною читать псалмы.

И чтобъ мнѣ легко, одинокой,
Отойти къ послѣднему сну,
Прошуми высокой осокой
Про весну, про мою весну.

ТЫ ПОВѢРЬ...

Ты повѣрь, не змѣиное острое жало
А тоска мою выпили кровь.
Въ бѣломъ полѣ я тихою дѣвушкой стала,
Птичьимъ голосомъ кличу любовь.

И давно мнѣ закрыта дорога ипая,
Мой царевичъ въ высокомъ кремлѣ,
Обману ли его, обману ли?—Не знаю!
Только ложью живу на землѣ.

Не забыть, какъ пришелъ онъ со мною проститься:
Я не плакала; это судьба.
Ворожу, что бъ царевичу ночью присниться,
Но безсильна моя ворожба.

Оттого ль его сонъ безмятеженъ и миренъ,
Что я здѣсь у закрытыхъ воротъ,
Иль уже свѣтлоокая, нѣжная Сиринъ
Надъ царевичемъ пѣсню поетъ?

III.

МУЗѢ.

Муза сестра заглянула въ лицо,
Взглядъ ея ясенъ иярокъ.
И отняло золотое кольцо
Первый весенній подарокъ.

Муза! ты видишь, какъ счастливы всѣ—
Дѣвушки, женщины, вдовы,
Лучше погибну на колесѣ,
Только не эти оковы.

Знаю, гадая не мнѣ обрывать
Нѣжный цвѣтокъ маргаритку,
Долженъ на этой землѣ испытать
Каждый любовную пытку.

Жгу до зари на окошкѣ свѣчу
И не о комъ не тоскую,
Но не хочу, не хочу, не хочу
Знать, какъ цѣлуютъ другую.

Завтра мнѣ скажутъ, смѣясь, зеркала:
Взоръ твой не ясенъ, не ярокъ...
Тихо отвѣчу: она отняла
Божій подарокъ.

I.

Все тоскуетъ о забытомъ,
О своемъ весеннемъ снѣ,
Какъ Пьеретта о разбитомъ
Золотистомъ кувшинѣ...

Всѣ осколочки собрала,
Не умѣла ихъ сложить...
«Если бъ ты, Алиса, знала,
Какъ мнѣ скучно, скучно жить!

«Я за ужиномъ зѣваю,
Забываю ѣсть и пить,
Ты повѣришь, забываю
Даже брови подводить.

«О Алиса! дай мнѣ средство,
Что бъ вернуть его опять;
Хочешь все наслѣдство,
Домъ и платья можешь взять.

«Онъ приснился въ коронѣ,
Я боюсь моихъ ночей!»
У Алисы въ медальонѣ
Темный локонъ—знаешь чей?!...

II.

— «Какъ поздно! Устала, зѣваю...»
«Миньона, спокойно лежи,
Я рыжій парикъ завиваю
Для стройной моей госпожи.

«Онъ будетъ весь въ лентахъ зеленыхъ,
А сбоку жемчужный аграфъ;
Читала записку: «У клена
Я жду васъ, таинственный графъ!»

мѣетъ подъ кружевомъ маски
Лукавая смѣхъ заглушить,
Велѣла мнѣ даже подвязки
Сегодня она надушить».

Лучъ утра на черное платье
Скользнулъ, изъ окошка упавъ...
«Онъ мнѣ открываетъ объятья
Подъ кленомъ, таинственный графъ».

МАСКАРАДЪ ВЪ ПАРКѢ.

Луна освѣщаетъ карнизы,
Блуждаетъ по гребнямъ рѣки...
Холодныя руки маркизы
Такъ ароматны-легки.

«О принцъ! улыбаясь присѣла,
Въ кадрили вы нашъ vis-à-vis»,
И томно подъ маской блѣднѣла
Отъ жгучихъ предчувствій любви.

Входъ скрылъ серебрящійся тополь
И низко спадающій хмѣль.
«Багдадъ или Константинополь
Я вамъ завоюю, ma belle!

Какъ вы улыбаетесь рѣдко,
«Васъ страшно, маркиза, обнять?»
Темно и прохладно въ бесѣдкѣ,
«Ну что-же! пойдемъ танцовать?»

Выходятъ. На вязахъ, на кленахъ
Цвѣтные дрожатъ фонари,
Двѣ дамы въ одеждахъ зеленыхъ
Съ монахами держатъ пари.

И блѣдный, съ букетомъ азалій,
Ихъ смѣхомъ встрѣчаетъ Пьеро:
«Мой принцъ! О не вы ли сломали
На шляпѣ маркизы перо?»

ВЕЧЕРНЯЯ КОМНАТА.

Я говорю сейчасъ словами тѣми,
Что только разъ рождаются въ душѣ.
Жужжитъ пчела на бѣлой хризантемѣ,
Такъ душно пахнетъ старое саше.

И комната, гдѣ окна слишкомъ узки,
Хранитъ любовь и помнитъ старину,
А надъ кроватью надпись по французски
Гласитъ: «Seigneur, ayez pitié de nous».

Ты сказки давней горестныхъ замѣтокъ,
Душа моя, не тронь и не ищи...
Смотрю, блестящихъ севрскихъ статуетокъ
Померкли глянцевитые плащи.

Послѣдній лучъ, и желтый и тяжелый,
Застылъ въ букетѣ яркихъ георгинъ,
И какъ во снѣ я слышу звукъ віолы
И рѣдкіе аккорды клавесинъ.

Сѣроглазый король.

Слава тебѣ, безысходная боль!
Умеръ вчера сѣроглазый король.

Вечеръ осенній былъ душенъ и алъ,
Мужъ мой, вернувшись, спокойно сказалъ:

«Знаешь, съ охоты его принесли,
Тѣло у стараго дуба нашли.

«Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала сѣдой.»

Трубку свою на каминѣ нашелъ
И на работу ночную ушелъ.

Дочку мою я сейчасъ разбужу,
Въ сѣрые глазки ея погляжу.

А за окномъ шелестятъ тополя:
«Нѣтъ на землѣ твоего короля...»

РЫБАКЪ.

Руки голы выше локтя,
А глаза синѣй, чѣмъ ледъ,
Ѣдкій душный запахъ дегтя,
Какъ загаръ, къ тебѣ идетъ.

И всегда, всегда распахнутъ
Воротъ куртки голубой,
И рыбачки только ахнутъ,
Закраснѣвшись предъ тобой.

Даже дѣвочка, что ходитъ
Въ городъ продавать камсу,
Какъ потерянная бродитъ
Вечерами на мысу.

Щеки блѣдны, руки слабы,
Истомленный взоръ глубокъ,
Ноги ей щекочутъ крабы,
Выползая на песокъ.

Но она уже не ловитъ
Ихъ привычною рукой,
Все сильнѣй біенье крови
Въ тѣлѣ раненомъ тоской.

ОНЪ ЛЮБИЛЪ...

Онъ любилъ три вещи на свѣтѣ:
За вечерней пѣнье, бѣлыхъ павлиновъ
И стертыя карты Америки.
Не любилъ, когда плачутъ дѣти,
Не любилъ чая съ малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

СЕГОДНЯ МНѢ ПИСЬМА НЕ ПРИНЕСЛИ.

Сегодня мнѣ письма не принесли:
Забылъ онъ написать, или уѣхалъ;
Весна какъ трель серебрянаго смѣха,
Качаются въ заливѣ корабли.
Сегодня мнѣ письма не принесли...

Онъ былъ со мной еще совсѣмъ недавно,
Такой влюбленный, ласковый и мой,
Но это было бѣлою зимой,
Теперь весна и грусть весны отравна,
Онъ былъ со мной еще совсѣмъ недавно...

Я слышу: легкій трепетный смычокъ,
Какъ отъ предсмертной боли, бьется, бьется,
И страшно мнѣ, что сердце разорвется,
Не допишу я этихъ нѣжныхъ строкъ...

НАДПИСЬ НА НЕОКОНЧЕННОМЪ ПОРТРЕТѢ.

О не вздыхайте обо мнѣ,
Печаль преступна и напрасна,
Я здѣсь, на сѣромъ полотнѣ
Возникла странно и неясно.

Взлетѣвшихъ рукъ изломъ больной,
Въ глазахъ улыбка изступленья,
Я не могла бы стать иной
Предъ горькимъ часомъ наслажденья.

Онъ такъ хотѣлъ, онъ такъ велѣлъ
Словами мертвыми и злыми.
Мой ротъ тревожно заалѣлъ
И щеки стали снѣговыми.

И нѣтъ грѣха въ его винѣ,
Ушелъ, глядитъ въ глаза другіе,
Но ничего не снится мнѣ
Въ моей предсмертной летаргіи.

СЛАДОКЪ ЗАПАХЪ...

Сладокъ запахъ синихъ виноградинъ...
Дразнитъ опьяняющая даль.
Голосъ твой и глухъ и безотраденъ.
Никого мнѣ, никого не жаль.

Между ягодъ сѣти—паутинки,
Гибкихъ лозъ стволы еще тонки,
Облака плывутъ, какъ льдинки, льдинки
Въ яркихъ водахъ голубой рѣки.

Солнце въ небѣ. Солнце ярко свѣтитъ.
Уходи къ волнѣ про боль шептать.
О, она навѣрное отвѣтитъ,
А быть можетъ будетъ цѣловать.

ПОДРАЖАНІЕ И. Ѳ. АННЕНСКОМУ.

И съ тобой моей первой причудой
Я простился. Чернѣла вода.
Просто молвила: «я не забуду».
Я такъ странно повѣрилъ тогда.

Возникаютъ, стираются лица,
Милъ сегодня, а завтра далекъ.
Отчего-же на этой страницѣ
Я когда то загнулъ уголокъ.

И всегда открывается книга
Въ томъ же мѣстѣ. Не знаю зачѣмъ!
Я люблю только радости мига
И цвѣты голубыхъ хризантемъ.

О, сказавшій, что сердце изъ камня,
Зналъ навѣрно: оно изъ огня...
Никогда не пойму, ты близка мнѣ
Или только любила меня.

ВѢРѢ ИВАНОВОЙ—ШВАРСАЛОНЪ.

Туманомъ легкимъ паркъ наполнился
И вспыхнулъ на воротахъ газъ,
Мнѣ только взглядъ одинъ запомнился
Незнающихъ спокойныхъ глазъ.

Твоя печаль, для всѣхъ неявная,
Мнѣ сразу сдѣлалась близка,
И поняла ты, что отравная
И душная во мнѣ тоска.

Я этотъ день люблю и праздную,
Приду, какъ только позовешь,
Меня, и грѣшную и праздную,
Лишь ты одна не упрекнешь.

КУКУШКА.

Я живу, какъ кукушка въ часахъ,
Не завидую птицамъ въ лѣсахъ,
Заведутъ и кукую.
Знаешь долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

ПОХОРОНЫ.

Я мѣста ищу для могилы,
Не знаешь ли, гдѣ свѣтлѣй?
Такъ холодно въ полѣ. Унылы
У моря груды камней.

А она привыкла къ покою
И любитъ солнечный свѣтъ,
Я келью надъ ней построю,
Какъ домъ нашъ на много лѣтъ.

Между окнами будетъ дверца,
Лампадку внутри зажжемъ,
Какъ будто темное сердце
Алымъ горитъ огнемъ.

Она бредила, знаешь, больная,
Про иной, про небесный край,
Но сказалъ монахъ, укоряя:
«Не для васъ, не для грѣшныхъ рай».

И тогда, побѣлѣвъ отъ боли,
Прошептала: «уйду съ тобой».
Вотъ одни мы теперь, на волѣ,
И у ногъ голубой прибой.

САДЪ.

Онъ весь сверкаетъ и хруститъ,
Обледенѣлый садъ.
Ушедшій отъ меня груститъ,
Но нѣтъ пути назадъ.

И солнце, блѣдный тусклый ликъ,
Лишь круглое окно,
Я тайно знаю, чей двойникъ
Приникъ къ нему давно.

Здѣсь мой покой на вѣки взятъ
Предчувствіемъ бѣды,
Сквозь тонкій ледъ еще сквозятъ
Недавніе слѣды.

Склонился тусклый мертвый ликъ
Къ нѣмому сну полей,
И замираетъ острый крикъ
Отсталыхъ журавлей.

НАДЪ ВОДОЙ.

Стройный мальчикъ пастушокъ,
Видишь, я въ бреду.
Помню плащъ и посошокъ
На свою бѣду.
Если встану—упаду,
Дудочка поетъ: ду-ду!

Мы прощались, какъ во снѣ,
Я сказала: «жду».
Онъ, смѣясь, отвѣтилъ мнѣ:
«Встрѣтимся въ аду».
Если встану—упаду,
Дудучка поетъ: ду-ду!

О глубокая вода
Въ мельничномъ пруду,
Не отъ горя, отъ стыда
Я къ тебѣ приду.
И безъ крика упаду,
А вдали звучитъ ду-ду.

ТРИ РАЗА...

Три раза пытать приходила,
Я съ крикомъ тоски просыпалась
И видѣла тонкія руки
И красный насмѣшливый ротъ:
— «Ты съ кѣмъ на зарѣ цѣловалась,
Клялась, что погибнешь въ разлукѣ,
И жгучую радость таила,
Рыдая у черныхъ воротъ?
Кого ты на смерть проводила,
Тотъ скоро, о скоро умретъ».

Былъ голосъ, какъ крикъ ястребиный,
Но странно на чей-то похожій,
Все тѣло мое изгибалось,
Почувствовавъ смертную дрожь.
И плотная сѣть паутины
Упала, окутала ложе...
О, ты ненапрасно смѣялась,
Моя непрощенная ложь!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

III.

Обложка работы Сергѣя Городецкаго, фронтисписъ—Е. Лансере, заставки—А. Б.

ИЗДАНІЯ ЦЕХА ПОЭТОВЪ.

Анна Ахматова. **Вечеръ.** Съ предисловіемъ М. Кузмина. Съ фронтисписомъ въ три краски Е. Лансере. Спб. 912. Ц. 90 к.

Вл. Бестужевъ. **Завѣтъ.** Спб. 912. Ц. 1 р. 80 к.

Б. Верхоустинскій. **Яворчатыя Гусли.** *Готовится.*

Василій Гиппіусъ. **Роса.** *Готовится.*

Сергѣй Городецкій. **Вереница Восьмистишій.** Спб. 912. Ц. 90 к.

Н. Гумилевъ. **Книга Балладъ.** *Готовится.*

М. Зенкевичъ. **Дикая Порфира.** Спб. 912. Ц. 90 к.

М. Кузминъ. **Яблочный Садъ.** *Готовится.*

Е. Кузьмина-Караваева. **Скифскіе Черепки.** Съ фронтисписомъ въ три краски автора. Спб. 912. Ц. 90 к.

О. Мандельштамъ. **Раковина.** *Готовится.*

М. Моравская. **Голубые Лютики.** *Готовится.*

Владиміръ Нарбутъ. **Аллилуія.** Спб. 912.

» » **Вій.** *Готовится.*

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ
к репринтному изданию

С огромным опозданием первая книга Анны Ахматовой была зарегистрирована «Книжной летописью» — под номером 30612, в выпуске №46, от 24 ноября 1912 г., среди книг, поступивших в Главное управление по делам печати с 15 по 22 ноября. По-видимому, обязательные экземпляры завалялись в типографии Ю.Мансфельда, где печатался сборник. Или в самом Главном управлении? А с прилавков книга исчезла быстро. Заядлые любители и собиратели поэтического слова разыскивали ее подолгу, порой безуспешно, случалось, находили — к вящему своему удовольствию. Один из них, И.В.Евдокимов, знавший «Вечер» по стихам из него, включенным во вторую книгу Ахматовой — "Четки". Когда сама поэтесса «уступила» ему экземпляр "Вечера", отыскавшийся в типографии, занес 31 октября 1914 г. в дневник: «На книжке написано "Ивану Евдокимову — Анна Ахматова. 20 октября Царское Село". Наконец я получил милую книжку и уже прочел ее. Оказывается, и я перепечатал бы в "Четках" только те стихи, кои перепечатала Ан.Ахм<атова>. Милая, славная книжка!» Из этих строк видно, что он, уже полюбивший, из-учивший (как мы говорим — излиставший, изъездивший и т.п.) ахматовские «Четки», не мог, помимо авторского дара, и увидеть предыдущую, первую книжку поэтессы. Редка она и теперь, очень редка.

В технически строгой «Книжной летописи» зафиксировано, что «Вечер» выпущен «в восьмую долю листа» (8°), размером 14 на 21 см (привожу эти данные для тех, кому попадется, быть может, обрезанный экземпляр); в ней было 86 нумерованных и 3 ненумерованных страницы; объявленная цена — 90 коп.; весом один экземпляр был 10 лотов (128 граммов — тогда библиографы «Книжной летописи» учитывали и этот параметр); наконец, тираж книги — 300 экземпляров.

Много это или мало? И по тогдашним меркам — не много. Сравним: в том же году третья книга блоковского «Собрания стихотворений» —«Снежная ночь»— была издана тиражом в 1300 экземпляров, «Ива» Сергея Городецкого — 1200. Но это были имена всероссийски признанные. При дебюте издательство вело себя осторожно (одновременно с «Вечером» тот же «Цех поэтов» выпустил первую книгу Михаила Зенкевича «Дикая порфира» — те же 300 экземпляров).

Издательство «Цех поэтов» возникло незадолго перед тем как орган литературной группы акмеистов. Русский литературный быт диктовал в ту пору размежевания на достаточно сплоченные группы с более или менее определенными и далеко не всегда убедительными декларациями «самости», независимости. Каждая должна была иметь собственное издательство. Эта практика, по сути, закономерность установилась в начале века, когда возникли символистские издательства «Скорпион», «Гриф». Логика групп, издательская политика влекли за собой тяготения к серийности оформления: книги членов одного объединения должны были поддерживать друг друга. Ахматовский «Вечер» и «Дикая порфира» Зенкевича вышли в одинаковых обложках, нарисованных Сергеем Городецким; рядом и воспроизведены они в лучшем тогдашнем книжном журнале — в «Известиях книжных магазинов Товарищества М.О.Вольф». Единая форма «цеховых» книг была сознательным издательским жестом; в газетной заметке, в рекламных целях предварявшей выпуск четырех книг (кроме названных еще «Скифских черепков» Е.Кузьминой-Караваевой и «Возвращения» Вл.Бестужева — т.е. Вл.В.Гиппиуса), «Цех поэтов» обещал, что они получат «одинаковый общий облик, формат, бумагу, шрифт и даже общую обложку с лирой». Парадоксальным, на первый взгляд, образом в среде модернистов, исповедовавшей крайний индивидуализм, торжествовал вкус к серийной униформе.

Участие Городецкого в подготовке этих книг (лучший знаток всего, что связано с Ахматовой, Р.Тименчик предполагает, что приведенная бесподписная газетная заметка принадлежит ему же) более чем естественно — он был одним из создателей, законодателей «Цеха поэтов». Покровителем «Цеха» из поэтов старшего, символистского поколения был Михаил Кузмин. Новая функция — утверждения поэтической преемственности, традиции — была признана за символистами, вчерашними отщепенцами литературной улицы. «... Три поэта, будучи отмечены признанием современного Олимпа, должны заинтересовать любителя русской поэзии, — писала в рецензии С.Парнок, тогда же входившая в литературу. — Голоса, завоевавшие внимание читающей России — В.Брюсов, Ф.Сологуб и М.Кузмин — возвестили нам новоприбывших. В предисловиях к стихотворным сборникам нижеуказанных поэтов — блистательно представлен В.Брюсовым Николай Клюев, галантно М.Кузминым, точно на бал, введена в пределы поэзии Анна Ахматова, капризно заявлено Ф.Сологубом, что ему нравится И.Северянин».

Фронтиспис к "Вечеру" нарисовал знаменитый уже «мирискусник» Е.Лансере, заставки в книге — работы молодого и еще безвестного А.Белобородова. Других иллюстрированных книг у Ахматовой не было, она оказалась, по-видимому, принципиальным противником иллюстрации.

«Вечер» закончен печатанием в начале марта: 10 марта помечена самая ранняя из надписей автора на книге — Вас.В.Гиппиусу. Первый сборник Ахматова никогда не перепечатывала отдельно, только (и частично) в составе следующей книги — «Четки», где, однако, стихотворения из «Вечера» помещались особым разделом. Однажды поэтесса оговорилась и назвала первой своею книгой именно «Четки»: «...среди этих приемов (не слишком добросовестных) обращает на себя внимание один: желание из всего написанного выделить первую книгу ("Четки"), объявить ее livre de chevet* и тут же затоптать все остальное, т.е. сделать из меня нечто среднее между Сергеем Городецким... т.е. поэтом без творческого пути, и Франсуазой Саган — "мило откровенной девочкой"». Почти полвека спустя от появления дебютной книги Ахматова была к ней недоумевающе сурова: «...эти бедные стихи пустейшей девочки почему-то перепечатываются тринадцатый раз... Сама девочка (насколько я помню) не предрекала им такой судьбы и прятала под диванные подушки номера журналов, где они впервые были напечатаны, "чтобы не расстраиваться". От огорчения, что "Вечер" появился, она даже уехала в Италию (1912 г., весна), а сидя в трамвае, думала, глядя на соседей: "Какие они счастливые — у них не выходит книжке"».

Но именно «творческий путь», право на память о котором отстаивала и требовала Ахматова, начался от стихотворений «Вечера». В них было распознано признание поэта: «Когда 25 марта 1911 г. Гумилев вернулся из Аддис-Абебы и я прочла ему то, что впоследствии стало называться "Вечер", он сразу же сказал: "Ты — поэт, надо делать книгу"» (а ведь до той поры Гумилев слышал множество стихов невесты и жены — но такого не говорил!). Впрочем, послушаем еще раз признание самого автора: «У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель. Мне, например, из моей первой книги "Вечер" ...сейчас

*Любимая книга (букв. «книга, всегда находящаяся у изголовья кровати, под подушкой»)

(в конце пятидесятых годов. — *Н.К.*) по-настоящему нравятся только строки:

Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

Мне кажется, что из этих строк выросло очень многое в моих стихах».

На этот ли много и неложно обещавший замысел творческого пути почувствовал восторженный В.Чудовский, заключавший свою рецензию «Вечера»: «И вот — много сказано слов, едва ли не больше, чем в самом разбираемом сборнике: и все же какая-то главная сущность осталась невысказанной, осталась там, в книжке... но... пожалуй, так оно и должно быть?»

И книжка та снова перед тобой, читатель...

Н.Котрелев

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сборник Анны Ахматовой «Вечер», вышедший в петербургском издательстве «Цех поэтов» в 1912 году, является первым выпуском Библиотеки репринтных изданий «Книжные редкости». Этой Библиотекой издательство «Книга» начинает новое направление своей работы по ознакомлению широких читательских кругов с деятельностью отечественных издательств XIX — первой половины XX века. В ней будут представлены различные образцы книжной продукции: издания художественной прозы, поэзии, мемуаров, драматургии, публицистики, литературоведения, научной, научно-популярной, политической и технической литературы.

Ежегодно планируется выпуск 6–8 названий. Среди первых книг новой Библиотеки издания произведений А.Белого, Н.Бердяева, В.Брюсова, С.Булгакова, И.Бунина, Н.Бухарина, К.Вагинова, С.Волконского, Ю.Говорухи-Отрока, Н.Гумилева, С.Есенина, Е.Замятина, Вяч.Иванова, Н.Клюева, В.Маяковского, В.Нарбута, Б.Пастернака, А.Ремизова, Н.Рериха, В.Розанова, И.Северянина, С.Соловьева, Ф.Сологуба, А.Толстого, М.Цветаевой, К.Циолковского, А.Чаянова и многих других известных и "забытых" авторов.

Анна Андреевна Ахматова

ВЕЧЕР

Репринтное воспроизведение
издания 1912 года

Ответственные за выпуск
В. И. Синюков, Ю. А. Поляков

ИБ № 1844. Подписано в печать 17.05.88.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04+0,05.
Усл. кр.-отт. 5,35. Уч.-изд. л. 1,53+0,06.

Тираж 100000 экз. Изд. № 4764.
Заказ № 1392. Цена 2 р. 50 коп.

Издательство "Книга",
125047, Москва, ул. Горького 50.
Ярославский полиграфкомбинат
Союзполиграфпрома при Госкомиздата СССР
150014, Ярославль, ул. Свободы 97.

2 р. 50 к.

А $\frac{4702010200-071}{002\ (01)-88}$ без объявл.

ISBN 5—212—0020014—1